ОСОБОЕ МНѢНІЕ

ПРОТОІЕРЕЯ М. И. ГОРЧАКОВА,

ПО ДОКЛАДУ

ОСОБОЙ КОММИССІИ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА,

относительно проекта Государственной Думы объ отмѣнѣ ограниченій политическихъ и гражданскихъ, соединенныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана и званія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1910.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее особое мнѣніе есть трудъ нынѣ покойнаго Члена Государственнаго Совѣта, Протоіерея М. И. Горчакова, которымъ онъ занятъ былъ послѣдніе дни своей жизни. Какъ извѣстный канонистъ и строгій сторонникъ и послѣдователь права и справедливости, покойный горячо принималъ къ сердцу получившее недолжное и неправильное направленіе въ Особой Коммисіи Государственнаго Совѣта рѣшеніе по вопросу объ отмѣнѣ ограниченій для духовныхъ лицъ, лишаемыхъ сана и добровольно слагающихъ оный, собиралъ въ Архивѣ Св. Сунода нужные матеріалы и вчернѣ набросалъ свое особое мнѣніе. Издаваемое нынѣ оно есть перепечатка черновиковъ, оставленныхъ Михаиломъ Ивановичемъ Горчаковымъ.

Особая Коммиссія, избранная Государственнымъ Совѣтомъ для обсужденія поступившаго изъ Государственной Думы законопроекта «объ отмѣнѣ ограниченій политическихъ и гражданскихъ, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана и званія», большинствомъ голосовъ отклоняетъ проектъ Думы и замѣняетъ его своими предложеніями. Въ предложеніяхъ большинства Коммиссіи различныя означенныя ограниченія, въ противоположность проектамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Государственной Думы и даже заключеніямъ св. Синода, не только не отмѣняются, но удерживаются въ измѣненномъ лишь видѣ.

Соглашаясь принципіально вообще и во всѣхъ почти частностяхъ съ предположеніями Думы и Правительственнаго проекта, я нахожу, что проектируемыя большинствомъ членовъ Особой Коммиссіи Государственнаго Совѣта предложенія, по требованіямъ справедливости и правомѣрныхъ началъ современныхъ наукъ церковнаго и государственнаго права, приняты быть не должны на нижеслѣдующихъ основаніяхъ.

I.

Всякія политическія, гражданскія, общественныя и личныя правоограниченія духовныхъ лицъ православной церкви, соединяемыя съ добровольнымъ ихъ сложеніемъ или съ іерархическимъ снятіемъ съ нихъ сана

или званія по дѣламъ исключительно религіознымъ и церковнымъ, какъ существующія въ дѣйствующемъ законѣ, такъ и въ особенности проектируемыя большинствомъ членовъ Коммиссіи, не имѣютъ ни малѣйшихъ основаній или оправданій ни въ священномъ писаніи, ни въ канонахъ Вселенской Церкви первыхъ девяти вѣковъ христіанства, ни въ правилахъ и въ практикѣ всѣхъ помѣстныхъ восточныхъ церквей всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ и настоящаго времени, ни въ исторіи законодательства и практикѣ русской церкви древней и новой Россіи до 30-хъ годовъ прошлаго XIX столѣтія. Все, что не основывается на перечисленныхъ правообразовательныхъ источникахъ церковнаго права, не можетъ быть принято въ православной церкви, какъ обязательное церковное правило.

II.

Постановленія дѣйствующаго законодательства объ означенныхъ ограниченіяхъ придуманы, составлены и введены въ составъ государственныхъ законовъ въ 30-хъ годахъ прошаго XIX столѣтія не по заявленіямъ со стороны церкви, а по иниціативѣ и по стараніямъ оберъ-прокуроровъ Св. Синода *), при участіи одного изъ властныхъ іерарховъ того времени. Таковыми же представителями Вѣдомства православнаго исповѣданія **) эти постановленія удерживались и защищались

*) Въ 1832 г князя П. С. Мещерскаго и въ 1839 г. графа Н. А. Протасова.

**) И въ 1869 г. А. М. Толстымъ и его товарищемъ, впослѣдствіи чл. II отд. Собст. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА К., вопреки предположеніямъ Св. Синода объ отмѣнѣ ихъ.

въ 1860 и 1862 гг. до настоящаго времени, какъ «мѣры предупрежденія и пресѣченія» выхода священно-и церковнослужителей изъ «состоянія бѣлаго и монашествующаго духовенства» и какъ полицейскія за выбытіе изъ него взысканія съ нихъ, одинаковыя по карательной силѣ съ уголовными наказаніями, но чуждыя всякихъ юридическихъ основаній. Посему-то постановленія о нихъ и помѣщаются въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и юридическихъ основъ не имѣютъ. Таковыя мѣры и наказанія, съ упраздненіемъ крѣпостного права и съ провозглашеніемъ свободы совѣсти и вѣроисповѣданій, по началамъ правового государства подлежатъ полной отмѣнѣ, что и соотвѣтствуетъ принципамъ, провозглашеннымъ въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ Манифестѣ 17 Октября 1905 г.

Первый проектъ ограниченій сочиненъ былъ Оберъ-Прокуроромъ Княземъ П. С. Мещерскимъ въ 1831 г. по поводу добровольнаго сложенія монашества однимъ іеромонахомъ Донского монастыря, приписки его въ купечество и вступленія въ бракъ съ дѣвицею «благородной» семьи. Въ составленной по сему поводу запискѣ князь, соображая по крѣпостническимъ понятіямъ времени, что «соблазнительная свобода» духовныхъ лицъ, по сложеніи сана, «приписываться гдѣ и куда пожелаютъ и даже вступать въ государственную и общественную службу можетъ имѣть вредное вліяніе на нравственныя и религіозныя понятія въ обществѣ», предполагалъ вовсе запретить выходъ изъ духовенства и проектировалъ ограниченія въ политическихъ, общественныхъ, личныхъ и гражданскихъ правахъ на случаи и добровольнаго сложенія, и начальственнаго лишенія духовнаго сана не монашествующихъ лицъ только, но и лицъ

бѣлаго духовенства, при томъ ограниченія *одинаковыя* для той и другой категоріи духовенства. Записка Оберъ-Прокурора, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію отъ 25 Января 1832 г., внесена была на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Департаментъ Законовъ, при обсужденіи положеній записки, нашелъ справедливымъ и нужнымъ поставить на видъ, что запрещеніе священнослужителямъ бѣлаго духовенства слагать санъ «могло бы вмѣсто пользы произвести одно нарушеніе нравственныхъ законовъ и соблазны». сдѣлалъ нѣсколько весьма вѣскихъ и важныхъ замѣчаній на положенія записки и высказалъ, что вопросъ о бѣломъ духовенствѣ не имѣетъ связи съ поводомъ, по которому составлена записка. Государственный Совѣтъ, въ виду важности сдѣланныхъ Департаментомъ Законовъ замѣчаній (26 Октября 1832 г.) постановилъ, что вопросъ о бѣломъ духовенствѣ слѣдуетъ предоставить особому, отдѣльному отъ правилъ о монашествѣ, разсмотрѣнію св. Синода. Мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоилось ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія 26 Октября 1832 г.

Такимъ образомъ первый проектъ объ ограниченіяхъ бѣлаго духовенства въ свѣтскихъ правахъ, представленный Оберъ-Прокуроромъ, въ 1832 году былъ отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ, согласно замѣчаніямъ Департамента Законовъ.

III.

Выработанныя въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія узаконенія объ ограниченіяхъ противорѣчатъ вѣковой обычной практикѣ древней Россіи и положительному постановленію великаго, бывшаго въ 1667-мъ году, собора

Русской церкви. Въ древней Россіи овдовѣвшій священнослужитель безъ затрудненій оставлялъ санъ, вступалъ во второй бракъ, поступалъ въ податное или торговое сословіе или оставлялся причетникомъ. Равно и лишаемые священства за церковныя правонарушенія клирики подвергались лишь потерѣ правъ по священству и по должностямъ въ церкви. Великій соборъ 1667 г., по вопросу о второбрачныхъ пресвитерахъ и діаконахъ, опредѣлилъ: «не гнушатися ими и не безчествовати во всемъ въ простолюдинскомъ чину; и аще кто явится отъ таковыхъ искусенъ и потребенъ въ какихъ царскихъ или гражданскихъ дѣлахъ, не возбранно есть быти имъ, кромѣ воинскаго чина». Это соборное опредѣленіе доселѣ не отмѣнено и не могло быть отмѣнено за отсутствіемъ соотвѣтствующей великому собору законодательной церковной власти. Оно должно и теперь имѣть значеніе дѣйствующаго въ Русской церкви церковнаго правила. Выраженный въ соборномъ опредѣленіи принципъ, по аналогіи, долженъ быть примѣняемъ ко всѣмъ священнослужителямъ, которые, подобно вдовцамъ, сознаютъ себя сами или признаются со стороны церковно-судной власти не способными, недостойными, ошибочно и не по призванію избравшими церковную службу и не въ силахъ, по человѣческимъ слабостямъ и немощамъ, оставаться въ священномъ санѣ и нуждаются въ избраніи иного рода жизни и занятій. Священство въ православной церкви учрежденіе исключительно церковное. Лица, принявшія санъ священства, должны исполнять обязанности, удовлетворять условіямъ и пользоваться правами священства въ церковномъ обществѣ по существующимъ въ церкви правиламъ. Дѣянія священнослужителей противъ обязанностей и усло-

вій священства сопровождаются, по суду церкви, потерею ими соотвѣтственныхъ правъ. Правилами церкви отнюдь не требуется, чтобы священнослужители Православной Церкви составляли *особое состояніе или сословіе въ государствѣ*. Священнослужители съ принятіемъ сана не перестаютъ быть гражданами государства. Безъ нарушенія ими общихъ для всѣхъ гражданъ законовъ несправедливо и незаконно безъ государственнаго уголовнаго суда лишать ихъ политическихъ и гражданскихъ правъ за правонарушенія исключительно религіозныя и церковныя, не составляющія уголовныхъ преступленій. Справедливость требуетъ, чтобы никакой гражданинъ не былъ лишаемъ общихъ правъ безъ приговора законнаго суда за дѣянія, запрещенныя уголовнымъ закономъ.

Священнослужащіе, не совершающіе запрещенныхъ уголовными законами дѣяній, не должны подлежать за спеціально церковныя и религіозныя правонарушенія лишенію политическихъ и гражданскихъ правъ.

IV.

Св. Синодъ въ продолжительной своей практикѣ, съ основанія въ 1721 г. до 1839 года, безпрепятственно допускалъ добровольное сложеніе духовнаго сана; лишеніе же имъ сана виновныхъ исключительно въ проступкахъ противъ правилъ церкви сопровождалось обыкновенными, въ соотвѣтственное случаямъ время, практиковавшимися церковными наказаніями. При проектированіи постановленія Св. Синода объ ограниченіи, въ 1835 г. происходили разногласія между членами его. Постановленіямъ объ ограниченіяхъ, установленныхъ

въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Св. Синодъ никогда не выражалъ ни общаго одобренія, ни согласія. Напротивъ, въ резолюціи 1860 г. 24 Августа онъ постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ объ отмѣнѣ ограниченій; а въ 1869 г. ВЫСОЧАЙШЕ учрежденное Присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства, въ составъ котораго входили всѣ наличные члены Св. Синода, ходатайствовало о таковой отмѣнѣ особымъ журналомъ, удостоившимся ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія 29 Апрѣля. Въ 1907 г. опредѣленіемъ Св. Синода отъ $\frac{31\ \text{Янв.}}{22\ \text{Февр.}}$ предоставлено г. Оберъ-Прокурору увѣдомить г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что со стороны Св. Синода нѣтъ препятствій къ отмѣнѣ разныхъ существующихъ ограниченій. Сверхъ того, Св. Синодъ весьма часто находитъ справедливымъ ходатайствовать передъ Верховною властью объ освобожденіи отдѣльныхъ лицъ отъ ограниченій, коимъ священнослужители должны подвергаться по строгости закона за сложеніе ими сана, и тѣмъ свидѣтельствуетъ о несоотвѣтствіи узаконенныхъ ограниченій справедливости. Въ 1832 г. пришлось Св. Синоду, по обращенному къ нему вопросу, какъ поступать съ священнослужителями, лишаемыми сана и слагающими оный по желанію, дать опредѣленный, вполнѣ согласный съ канонами Вселенской церкви, отвѣтъ и Государственному Совѣту.

Съ точки зрѣнія теоріи права, обсуждаемыя ограниченія не только никоимъ образомъ не могутъ быть защищаемы, но подлежатъ осужденію. Духовныя лица, должностныя лица церкви, входя въ составъ клира церковнаго, являются въ то же время и членами государства и гражданскаго общества.

V.

Государственный Совѣтъ, во все время своего существованія, не раздѣлялъ, не одобрялъ и не подкрѣплялъ мнѣній и проектовъ гг. Оберъ Прокуроровъ Св. Синода и ихъ товарищей о лишеніи политическихъ, общественныхъ и гражданскихъ правъ духовныхъ лицъ, не только добровольно слагающихъ съ себя санъ, но и лишаемыхъ сана духовнымъ начальствомъ за неблагочинные поступки и пороки противъ церкви, нетерпимые въ семъ санѣ, но не подлежащіе вѣдѣнію уголовнаго суда. Напротивъ первый проектъ по сему предмету, изложенный въ 1831 г. въ запискѣ Оберъ Прокурора Кн. Мещерскаго, переданной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію 25 Января 1832 г. на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, встрѣтилъ весьма вѣскія и важныя замѣчанія въ Департаментѣ Законовъ, изложенныя въ его журналѣ 19 Марта 1832 г., и въ виду ихъ былъ отвергнутъ общимъ мнѣніемъ Общаго Собранія, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ 26 Октября 1832 года.

Въ журналѣ Департамента 19 Марта 1832 г., между прочимъ, поставлено на видъ въ п. 3-мъ: «запрещеніе слагать однимъ (вдовымъ священнослужителямъ) санъ, могло бы вмѣсто пользы произвести одно нарушеніе нравственныхъ законовъ и соблазны»; въ п. 4-мъ: «по законамъ церковнымъ тѣ священнослужители, кои нарушили свою обязанность вступленіемъ во вторый бракъ, не наказываются ни чѣмъ другимъ, кромѣ исключенія изъ духовенства, съ избраніемъ рода жизни въ свѣтскомъ вѣдомствѣ; а по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному 29 Марта 1784 г. докладу Св. Синода и Правительствующаго Сената разрѣшено остающимся за штатомъ свя-

щеннослужителямъ, также не обучившимся исправно и даже оказавшимся въ подозрѣніяхъ,—предоставлять на волю вступать въ службу или записываться въ купечество, мѣщанство и казенные поселяне. И таковымъ же образомъ, какъ *изъяснилъ Св. Синодъ на особый вопросъ, по Государственному Совѣту къ нему обращенный, положено поступать съ священнослужителями, слагающими санъ свой по желанію* (П. С. З. 11 Апр. 15.978).—На основаніи соображеній, изложенныхъ въ п. п. 3-мъ и 4-мъ и др., Департаментъ Законовъ полагалъ: 1) священнослужителей бѣлаго духовенства, просящихъ увольненія изъ сего званія въ свѣтское, увольнять съ снятіемъ сана; 2) уволеннымъ по собственному желанію изъ духовнаго вѣдомства оставлять права по рожденію или пріобрѣтенному дворянству, имъ принадлежащія, дозволяя вступленіе въ Государственную службу всякаго рода, по познаніямъ и способностямъ; за тѣми изъ нихъ, кои въ духовномъ званіи имѣли ордена и ученыя степени, сохранить оные; имѣвшимъ же до вступленія въ священнослужительскую должность свѣтскіе чины, военные и гражданскіе, какъ сложенные ими при самомъ посвященіи въ духовный санъ, оныхъ не возвращать и т. д. Короче: Департаментъ Законовъ 1832 г. предлагалъ предоставлять такое же юридическое положеніе священнослужителямъ, слагающимъ санъ по желанію и лишаемымъ за религіозныя и церковно-должностныя правонарушенія, какое проектируетъ нынѣ Государственная Дума съ отмѣною всѣхъ ограниченій въ свѣтскихъ правахъ... Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, по важности сдѣланныхъ Департаментомъ Законовъ замѣчаній на предположенія Оберъ Прокурора, отвергло его проектъ. Это мнѣніе было

удостоено ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія 26 Октября 1832 г. Постановленія же 1839 года, по которымъ священнослужители, добровольно слагающіе санъ и лишаемые сана духовнымъ начальствомъ, ссылаются изъ губерній мѣстожительства своего и служенія и осуждаются на лишеніе политическихъ, общественныхъ, гражданскихъ и личныхъ правъ, священники отъ 10 до 20-ти лѣтъ, діаконы отъ 6 до 12-ти, проектированныя и составленныя Оберъ Прокуроромъ гр. Протасовымъ, при соучастіи митр. Филарета, изданы безъ участія и помимо Государственнаго Совѣта и внесены въ Сводъ Законовъ въ порядкѣ редакціонномъ, а не законодательномъ.

Правосознаніе Государственнаго Совѣта въ 1832—1833 гг. совпадало съ правосознаніемъ Св. Синода того времени и совпадаетъ съ правосознаніемъ Государственной Думы. Но правосознаніе большинства членовъ Особой Коммисіи нынѣшняго Государственнаго Совѣта, совпадаетъ съ правосознаніемъ Оберъ Прокурора графа Протасова и его преемниковъ.

VI.

Назначеніе, интересы и цѣли церкви не только не поддерживаются обсуждаемыми ограниченіями, но ослабляются и нарушаются. Не Государственное дѣло—исправлять и устранять спеціальные религіозные и церковно-должностныя правонарушенія духовныхъ лицъ церкви и религіозныхъ обществъ. Церковь обладаетъ своими средствами для охраненія ея задачъ отъ правонарушеній ея должностными лицами. Существуетъ цѣлая система эпитимій или наказаній церковныхъ.

Лишеніе сана по желанію-ли священнослужителя, или по церковному суду, само по себѣ наказаніе весьма дѣйствительное: оно состоитъ въ потерѣ наказуемымъ многихъ правъ и преимуществъ въ церкви и значенія его среди членовъ церковнаго клира и въ перемѣнѣ отношеній къ нему со стороны внѣ церковной. Эта потеря правъ происходитъ во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе тяжелаго психическаго переворота въ настроеніи и въ судьбѣ священнослужителя. Тяжесть церковнаго наказанія ослабляется или совсѣмъ подавляется въ сознаніи наказуемаго и въ другихъ членахъ церкви суровостью лишенія его государственныхъ правъ и ссылкою изъ мѣста служенія, и проч. Государственная власть считаетъ церковь неспособною и безсильною собственными мѣрами устранять появляющіеся между ея членами недостатки, удерживать должностныхъ ея лицъ на должной высотѣ призванія и поддерживать въ нихъ расположеніе къ подвигамъ служенія. Государственная власть, установившая за религіозныя и церковныя правонарушенія, сверхъ или помимо церковныхъ наказаній, свои наказанія, этимъ самымъ ослабляетъ значеніе церковной власти и исправительныхъ ея средствъ. Нравственные и религіозные недостатки и погрѣшности лицъ, принадлежащихъ къ опредѣленному вѣроисповѣданію и къ церкви могутъ и должны существенно исправляться лишь религіозными и церковными средствами, а не принудительными полицейскими мѣрами. Помѣстная Церковь, исправительная дѣятельность которой поддерживается или даже замѣняется карательной властью государства, не перестаетъ пещись объ усовершенствованіи своей дисциплины—матеріальнаго и процессуаль-

наго церковносуднаго права. Въ представленныхъ къ предсоборному присутствію отзывахъ и всѣхъ постановленіяхъ епархіальныхъ архіереевъ и комитетовъ изображаются недостатки дѣйствующаго матеріальнаго права церковнаго судоустройства и судопроизводства. Но эти недостатки не устранимы при существованіи соединяемыхъ съ добровольнымъ сложеніемъ и лишеніемъ сана ограниченій священнослужителей въ свѣтскихъ правахъ. Церковносудная власть, при существованіи этихъ ограниченій, и теперь весьма часто въ отдѣльныхъ случаяхъ подвергается колебаніямъ въ сторону то излишней строгости, то послабленія.

VII.

Обсуждаемыя ограниченія производятъ весьма неблагопріятное, несоотвѣтственное цѣлямъ церкви, вліяніе въ составѣ клира или духовенства. При дѣйствіи узаконеній о нихъ—1) многія лица, подготовленныя и способныя къ пастырскому служенію, но энергичныя и дорожащія свободою своей личности, совѣсти и убѣжденій, удерживаются отъ вступленія въ составъ духовенства, не желая и не рискуя, въ случаѣ выхода по какимъ либо несчастнымъ обстоятельствамъ, подвергать себя на многіе годы правоограниченіямъ не только въ церкви, но и въ Государствѣ, обществѣ, и семьѣ; 2) многія лица, уже вступившія въ клиръ, стѣсняются въ свободномъ выраженіи и развитіи своихъ убѣжденій и своей дѣятельности изъ опасенія подвергнуться признанію со стороны власти іерархической ихъ убѣжденій вольными, либеральными, несогласными съ политикою и принципами «вѣдомства»; 3) всѣ почти

священнослужители находятся среди нѣкоторыхъ классовъ населенія въ подозрѣніи, что они состоять въ санѣ, служатъ и дѣйствуютъ не по призванію, а подъ страхомъ ограниченія въ общихъ правахъ гражданства, въ случаѣ неудовольствія на нихъ власти и выхода изъ духовнаго состоянія; такое подозрѣніе крайне обидно для лицъ, по призванію и искренне служащихъ въ церкви, но устраненіе подозрѣнія встрѣчаетъ возраженія въ указаніяхъ на затрудненія выхода изъ званія; 4) многія лица, сознающія свои слабости и недостоинство въ надлежащемъ прохожденіи церковныхъ должностей, обязанностей и подвиговъ, не рѣшаются просить власть о снятіи съ нихъ сана, остаются въ немъ, опасаясь трудностей борьбы въ жизни при ограниченіи правъ, въ случаѣ выхода изъ состава клира, и загораждаютъ путь къ вступленію въ клиръ достойнымъ сана лицамъ,—болѣе, чѣмъ они энергичнымъ и сильнымъ; 5) были примѣры такого рода: духовныя лица, изъ опасенія подвергнуться дѣйствію постановленій объ ограниченіяхъ въ правахъ, въ силу предполагаемыхъ ими или дѣйствительно угрожающихъ имъ наблагопріятныхъ отношеній начальства, обращались въ бѣглопоповцевъ, охотно принимавшихся отдѣлившимися отъ православной церкви обществами и, 6) административная и судная церковная власть иногда терпитъ, изъ сожалѣнія, въ составѣ клира такихъ лицъ, которыя по своимъ «неблаговиднымъ поступкамъ и порочному поведенію» заслуживаютъ лишенія сана.

VIII.

Обсуждаемыя ограниченія государственною властью за религіозныя и церковныя правонарушенія противо-

рѣчатъ теоретическимъ началамъ современной юриспруденціи. По современнымъ понятіямъ о государствѣ, къ числу его задачъ не относится исправленіе и устраненіе спеціально религіозныхъ и церковнодолжностныхъ правонарушеній духовныхъ лицъ церковныхъ и вѣроисповѣдныхъ обществъ, признанныхъ и допущенныхъ въ предѣлахъ его территоріи. Наложеніе взысканій государственнымъ закономъ за таковыя правонарушенія есть вмѣшательство въ дѣла религіозныхъ обществъ; а наложеніе полицейскихъ взысканій государственной властью сверхъ церковныхъ, положенныхъ за тѣ же проступки еще церковію, есть двойное наказаніе за одни и тѣ же дѣянія. Допущеніе двойныхъ наказаній за одни и тѣ же дѣянія, признаваемыя церковными правонарушеніями, явно несправедливо, противорѣчитъ Апостольскому 25-му правилу и есть остатокъ византійской средневѣковой карательной системы. Правонарушенія, за которыя подвергаются духовныя лица ограниченіямъ въ общихъ свѣтскихъ правахъ безъ суда, вовсе не заключаютъ въ себѣ признаковъ провѣренныхъ уголовныхъ дѣяній. Онѣ и въ законѣ именуются: «неблагочинные поступки», «порочное поведеніе», «нетерпимые въ санѣ проступки», а въ практикѣ оффиціальныхъ бумагъ иногда—«сомнительное поведеніе», «подозрительные проступки», «нетерпимые въ званіи поступки», «предосудительные», «неодобрительное поведеніе», «неодобренный въ поведеніи», «сильно подозрѣваемый въ предосудительномъ поведеніи». Нигдѣ, ни въ государственныхъ постановленіяхъ, ни въ церковныхъ правилахъ, не указываются отличительные преступные признаки ихъ состава. Въ отдѣльныхъ случаяхъ церковносудной практики въ синодаль-

ный періодъ относимы были, напр., противоуставное совершеніе таинствъ, совершеніе двухъ литургій въ одинъ день. помазаніе больного муромъ, вмѣсто елея,— неповиновеніе начальству и ослушаніе ему, состоящее въ возраженіяхъ противъ законности его распоряженій, напр. въ отказѣ назначеннаго слѣдовать въ монастырь, съ объясненіемъ о подачѣ жалобы въ Св. Синодъ, въ рѣзкихъ отзывахъ о немъ, въ печатномъ или словесномъ выраженіи мнѣній, въ которыхъ усматриваются слѣды ученій раскольничьихъ или еретическихъ и т. п.,— нетрезвость, сомнительныя отношенія къ женщинамъ и т. п.,—«опредѣлить съ подробностью всѣ таковые случаи невозможно, ибо они касаются часто до тончайшихъ отношеній совѣсти и нерѣдко до предметовъ, имѣющихъ особенную важность въ одномъ смыслѣ церковныхъ постановленій» (слова Об.-Пр. П. С. Мещерскаго въ объяснит. запискѣ, поданной Гос. Совѣту въ Мартѣ 1833 г Въ дѣлѣ 13980. стр. 109).

Несмотря на неподдающееся классификаціи и «опредѣленію» разнообразіе проступковъ, за которыя по правиламъ церкви могутъ быть лишаемы священнослужители сана, по госуд. законамъ наказаніе полагается одинаковое, единообразное, за «пороки» вообще; между тѣмъ, пороки могутъ быть весьма различны въ своихъ степеняхъ, и этимъ самымъ нарушается главное и существенное начало карательной системы,— именно: *соразмѣрность наказанія съ виновностью.*

Лица духовнаго званія—такіе же граждане, какъ и граждане другихъ состояній. По исключеніи ихъ за спеціальныя религіозныя и церковныя правонарушенія, они возращаются къ «первобытному состоянію», изъ котораго они вступили въ духовное званіе, или въ вѣдом-

ство Православнаго Исповѣданія. Справедливость требуетъ, чтобы сила государственныхъ гражданскихъ законовъ была обращаема на нихъ въ одинаковой степени, какъ на людей другихъ состояній.

Священнослужительская или духовная служба— профессіональна, — подобна остальнымъ профессіямъ, какъ преподавательская, военнослужебная, чиновничья, гражданская, адвокатская, пѣвческая и т. п. Преподаватели, офицеры, чиновники, присяжные повѣренные, пѣвцы и т. п., уволенные за недостатки или «пороки», несовмѣстные съ ихъ профессіей, не подвергаются, по увольненіи ихъ изъ круга лицъ ихъ профессіи, ограниченію въ правахъ. Нѣтъ основаній и духовныхъ лицъ подвергать ограниченіямъ, по увольненіи ихъ изъ духовнаго званія.

Въ православной церкви государственная власть лишаетъ увольняемыхъ изъ духовнаго званія лицъ общихъ государственныхъ и гражданскихъ правъ, во исполненіе рѣшеній церковной административной и судной власти,—безъ провѣрки, насколько соотвѣтствуетъ распоряженіе и дѣлопроизводство духовныхъ властей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ общимъ началамъ справедливости, права и законодательства. Дѣйствующее законодательство не открываетъ даже возможности подавать appelatio ab abusu или ad principem. Единственная судная инстанція—Св. Синодъ.

IX.

Приводимые въ докладѣ Коммисіи на стр. 6—7 доводы, которыми мотивируются предложенія большинства ея членовъ, въ дѣйствительности не существуютъ,

ни чѣмъ не обоснованы и не могутъ быть обоснованы. Нѣтъ въ Православной церкви ни каноновъ, оправдывающихъ обсуждаемыя ограниченія священнослужителей, ни ученія о неизгладимости священства, ни запрещенія добровольнаго снятія сана, ни совершенія при посвященіи въ священство какого-то торжественнаго обѣта и клятвы посвятить всю свою жизнь и всѣ свои силы на служеніе церкви, ни отреченія отъ правъ гражданина и подданнаго Государству. Всѣ эти доводы придуманы и лишены реальныхъ основаній. «Единеніе» или союзъ Государства съ церковію, интересы церкви и интересы Государства отъ такихъ полицейскихъ мѣръ, которыми поражается въ нашемъ отечествѣ законность, свобода личности, совѣсти, вѣроисповѣданіе духовныхъ лицъ Православной церкви, скорѣе страдаютъ, чѣмъ достигаются и укрѣпляются.

Основанія, на которыхъ стараются держать въ крѣпостническомъ состояніи священнослужителей православной церкви, не тверды и формулируются (выражаются) не точно и даже невѣрно, т. е. несогласно съ существомъ дѣла.

Основанія эти слѣдующія:

1) «*По постановленію церковному, священство дается на всю жизнь*: слѣдственно, по произволу оставляющій священство виновенъ въ нарушеніи церковнаго постановленія». Митрополитъ Филаретъ формулируетъ на стр. 529. См. также: Дополнит. томъ Собранія мнѣній и отзывовъ Митроп. Филарета СПБ. 1887 г., стран. 31—35.—Правда,—санъ священнослужителя не повторяется, пожизненный,—т. е. санъ,—безъ основаній, установленныхъ въ законахъ или правилахъ церкви,—

не отчуждается отъ лица посвященнаго въ оный санъ. Но санъ этотъ состоитъ изъ трехъ степеней. Степеней священства три: переходъ изъ одной степени священства въ другую не только допускается, но признается необходимымъ, въ случаяхъ удостоенія лица высшей степени священства: съ посвященіемъ лица въ высшую степень, прекращается его званіе по низшей степени. Значитъ,—священство въ отдѣльной степени дается не на всю жизнь. Кромѣ того, Епископъ, принявшій постригъ въ монашество, перестаетъ *быть таковымъ*, по правилу VII-го вселенскаго собора.

Постановленіе допускаетъ нѣсколько погрѣшностей *а)* противъ правилъ церкви, и *б)*—противъ логики.

Во I-хъ, *церковнаго постановленія*, въ которомъ бы буквально выражалось, что «священство дается на всю жизнь», нѣтъ ни въ правилахъ вселенской церкви, ни въ законодательствѣ русской мѣстной церкви. Во 2-хъ составитель правила выводитъ или заключаетъ изъ *этого* постановленія, слѣдственно, выводъ этотъ нелогиченъ, для него нѣтъ общей посылки, силлогизмъ не полный, въ заключеніе прибавляетъ «по произволу» совершенно произвольно. Положеніе не логично и допускаетъ нѣсколько погрѣшностей противъ законовъ логики,—значитъ, оно не разумно.

Такимъ образомъ заключеніе, утверждающее, что «по произволу оставляющій священство виновенъ въ нарушеніи церковнаго постановленія» несостоятельно: виновности нѣтъ, *нарушенія нѣтъ*, такъ какъ и самаго постановленія нѣтъ.

2. «Вступающій въ священство даетъ *обѣтъ* или *присягу ненарушимо* сохранять *правила и законы* священства: слѣдственно, по *произволу* оставляющій священ-

ство *виновенъ* въ нарушеніи *обѣта или присяги*» (тамъ-же стр. 530). И это положеніе, какъ и первое, выражаетъ—невѣрныя мысли по существу и противъ законовъ логики.

Принимающій степени діакона и пресвитера не даетъ никакого обѣта, не только юридическаго, но и нравственнаго обязательства *ненарушимо* сохранять правила и законы священства. Онъ даетъ присягу, обыкновенную—на вѣрность службы. Понятія присяги и обѣтъ—не однозначущи. Въ этой присягѣ вовсе нѣтъ выраженія «ненарушимо сохранять правила и законы священства»;—отдѣльнаго положенія, въ которомъ бы излагались «правила и законы священства», не существуетъ,—и не предъявляется поступающему требованія «ненарушимо сохранять правила и законы». Силлогизмъ въ формѣ котораго выражено и это положеніе:

а) не полонъ,—въ немъ нѣтъ общей посылки;

б) заключеніе содержитъ прибавку «по произволу»,—каковое понятіе новое, лишнее, не введенное въ *посылку*

в) въ посылкѣ словъ «виновность» въ нарушеніи обѣта или присяги нѣтъ.—Словомъ—положеніе *софистическое,* потому что введено нѣсколько терминовъ.

3. «Въ таинствѣ священства преподается благодать: слѣдственно, по произволу оставляющій священство виновенъ въ оскорбленіи благодати».—Всякій грѣшникъ изъ христіанъ виновенъ въ оскорбленіи благодати; долженъ-ли и всякій христіанинъ и за всякій грѣхъ подвергаться исключенію изъ среды Христіанъ?

На языкѣ *права* не можетъ быть понятія о виновности въ оскорбленіи благодати, такъ какъ проступка,

который-бы могъ быть названъ «оскорбленіемъ благодати», въ сборникахъ правилъ нѣтъ; подыскать составъ такого проступка невозможно: какъ же можно наказывать за несуществующій проступокъ? И въ чемъ состоитъ виновность оскорбленія благодати?

Благодать не лицо и не учрежденіе, доступное оскорбленію.

4. Священникъ, оставляющій, по произволу, священство, виновенъ въ причиненіи соблазна тѣмъ, которыхъ долженъ былъ назидать таинствами.—Соблазнъ есть привлеченіе однимъ лицомъ другого къ такому позорному дѣйствію, которое онъ учиняетъ самъ. Священникъ не можетъ склонить мирянъ къ сложенію сана,—стало быть, сложеніемъ сана онъ не можетъ учинять и соблазна.

5. Особливаго рода соблазнъ открываютъ приверженцы Митрополита Филарета въ томъ, что священникъ, по оставленіи сана, «является среди людей, имъ исповѣданныхъ, съ языкомъ уже не такъ крѣпко связаннымъ какъ прежде», «вѣрный благодати священства» (стр. 530), т. е. можетъ открываться. Въ чемъ же соблазнъ? Фактически это предположеніе ни чѣмъ не подтверждается, оно выдумано и совершенно произвольно; если и принять выдумку за нѣчто возможное, то оно можетъ относиться лишь къ священникамъ, а къ діаконамъ, не имѣющимъ права исповѣдывать, не можетъ быть относимо, между тѣмъ законъ ограничиваетъ право мѣстожительства и діаконовъ. Фактически подозрѣніе не открыть; а высказывать подозрѣніе, безъ факта, на цѣлый разрядъ лицъ едва-ли справедливо, основательно и благородно.—Предположеніе допускаетъ вѣроятную *возможность* разстройства въ семействахъ отъ предпо-

лагаемаго не такъ крѣпко связаннаго языка; а въ законѣ полагается безусловная кара за вѣроятную возможность предполагаемой болтливости.

Въ законѣ не за это кара,—ею выражается опасеніе «послабленія человѣку, который позволилъ себѣ не остаться вѣрнымъ благодати священства».

Тѣмъ не менѣе этотъ законъ *языка-то* не связываетъ, не отстраняетъ возможности открытія тайнъ, сказанныхъ на исповѣди. Но существуетъ государственный законъ, достаточно ограждающій тайну исповѣди: это—законъ, не допускающій въ уголовномъ и гражданскомъ судопроизоодствѣ свидѣтельства священниковъ о слышанномъ ими на исповѣди; высказанное-же ими не имѣетъ значенія достовѣрности. За разглашеніе семейныхъ тайнъ можетъ онъ подвергнуться, по жалобѣ, наказанію по закону, какъ и всякій гражданинъ.

Софистическими и противологическими доводами (доводы—въ докладѣ коммисіи стр. 7) оправдываются ограниченія въ гражданскихъ, общественныхъ и политическихъ правахъ духовныхъ лицъ, оставляющихъ священно-служебныя должности въ церкви. Ограниченіями этими государственный законъ удерживаетъ въ священныхъ должностяхъ и званіяхъ лицъ, не сознающихъ въ себѣ надлежащаго призванія и достаточныхъ силъ для соотвѣтственнаго правиламъ и назначенію церкви служенія св. церкви, какъ учрежденію и обществу, и въ то же время закрываетъ путь къ замѣщенію сихъ должностей лицамъ достойнымъ, чѣмъ ослабляетъ общественно-церковныя силы, изданіемъ спеціальныхъ полицейскихъ мѣръ противъ православнаго духовенства, по отношенію къ лицамъ, избирающимъ иной родъ жизни и дѣятельности, возбуждаетъ въ обществѣ со-

мнѣнія въ свободномъ служеніи церкви духовныхъ лицъ и предположенія въ принужденномъ и подневольномъ духовномъ состояніи, и тѣмъ подрываетъ довѣріе къ нимъ въ обществѣ, открываетъ поводы и случаи выражать эти предположенія и оскорблять ими лицъ, преданныхъ своему служенію; принижаетъ православное дѣло, сравнительно съ дѣлами другихъ религіозныхъ обществъ, даетъ поводъ глумиться надъ нимъ, поддерживаетъ несогласіе между міряпами и духовными и обособленность духовнаго сословія; изданіе особыхъ полицейскихъ мѣръ, безправность, беззащитность, матеріальная необезпеченность ослабляютъ энергію, лишаютъ иниціативы. Словомъ, *законъ* этотъ, какъ Дамокловъ мечъ, грозно виситъ надъ головами духовныхъ лицъ: энергичныхъ и бодрыхъ—поражаетъ, а недостойныхъ и неспособныхъ—ограждаетъ и оставляетъ на служеніе церкви.

Заключеніе.

Ограниченіе, какъ наказаніе,—несправедливо,—какъ мѣра предупредительная—недѣйствительна и какъ принудительная—неблаговидна,—какъ способъ оказанія уваженія къ церкви или служебному положенію дѣла—унизительна и вредна для церкви и для дѣла, представляя угрозу и составляя чуждый духу Христіанскаго ученія актъ мести, двойной кары, вопреки апостольскому правилу: «не отмстиши дважды за едино». А потому въ виду всего сказаннаго, полагаю:

1) Одобренный Государственною Думою проектъ объ отмѣнѣ ограниченій, политическихъ и гражданскихъ, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ сня-

тіемъ духовнаго сана и званія, принять цѣликомъ,— съ исключеніемъ предположеннаго Думою, въ видѣ дополненія къ статьѣ 171 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, постановленія о воспрещеніи уволеннымъ изъ духовнаго званія монахамъ проживать въ 5-тиверстномъ разстояніи отъ монастыря, и подлежащаго исключенію по предположенію Особой Коммисіи Государственнаго Совѣта,

и II) Всѣ предположенія Особой Коммисіи Государственнаго Совѣта, предлагаемыя ею: *а*) въ замѣнъ статьи 12 Устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства, *б*) прибавка къ концу статьи 414 законовъ о состояніяхъ *в*) измѣненія въ п.п. 3, 4 и 5 и въ началѣ статьи 415 законовъ о состояніяхъ, *г*) измѣненія въ п.п. 3 и 5 и въ началѣ статьи 428 тѣхъ же законовъ о состояніяхъ и *д*) прибавка къ ст. 179 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій—должны подлежать вполнѣ отклоненію, какъ противорѣчащія правиламъ и цѣлямъ церкви, справедливости и законопроекту правительства, принятому и одобренному Государственною Думою.